Винцесь Мудров

СТРАНА
огненных птиц

Винцесь Мудров

Страна огненных птиц

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Мудров В.

Страна огненных птиц / В. Мудров — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Историко-публицистический очерк "Страна огненных птиц" был написан еще в "доинтернетную" пору, но тем не менее не потерял своей актуальности и будет интересен как широкому кругу читателей, так и тем, кто собирается посетить Албанию.

© Мудров В.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА 5
БЕТОННЫЙ БУНКЕР КАК ФАКТОР ИСТОРИИ 7
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Винцесь Мудров
СТРАНА ОГНЕННЫХ ПТИЦ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Ходячий утопленник, убогая роскошь, зияющие высоты… Подобные сочетания семантически контрастных слов называют оксюморонами. Напишите рядом «береза» и «Фергана», и вы сразу ощутите невозможность такого соседства в реальной жизни: нечего делать березе в Ферганской долине, не выживет она там.

Оксюмороны – порождение господ литераторов и существуют обычно только на бумаге, оно и понятно: литература весьма мало связана с жизнью, она лишь жизнеподобна. Поэтому переход оксюморонов в реальность носит откровенно патологический характер. Допустим, вы слышите, что спикер киргизского меджлиса прибыл с официальным визитом в Вашингтон. «Странно, – думаете вы, – почему до сих пор спикер меджлиса Гондураса не прибыл в Москву?»

Давным-давно, в счастливое застойное лихолетье (счастливое лихолетье!), русским юношей Витей Мудровым овладели две иррациональные страсти: любовь ко всему белорусскому и любовь к незаметной европейской стране, находившейся от возлюбленной Белоруссии в полутора тысячах километров. Написать рядом «Белоруссия» и название этой совершенно чужой страны – и получится типичный оксюморон. Когда русский юноша Витя Мудров подрос и превратился в белорусского прозаика Винцеся Мудрова, он пошел еще дальше. Объединил две страсти в одну и написал очерки об этой незаметной стране – можно жизнь прожить, а о ней не услышать, – на белорусском языке! Таким образом был достигнут эффект шокирующего контраста.

Дело в том, что белорусский язык не более заметен, чем та terra incognita посреди Европы, о которой пойдет речь. Белоруссия – единственная из республик бывшего СССР, где не выполняется закон о придании статуса государственного языку коренного населения. Это не Украина и уж тем более не Молдавия с Литвой. Кроме дикторов и ведущих гостелерадио и тонюсенькой прослойки национально ориентированных интеллектуалов, белорусским никто в быту не пользуется, даже учителя и преподаватели этого языка. В газетах на белорусском зачастую только шапка – название издания. Литература на белорусском выпускается ничтожными тиражами, но и она годами пылится на магазинных стендах, к которым никто не подходит.

В средние века белорусский был распространен значительно шире. Древнейший документ на этом языке – послание смоленского (!) князя от 1229 года. В Великом княжестве Литовском белорусский длительное время был государственным, однако сами белорусы никогда собственной государственности не имели и постоянно находились под тем или иным владычеством. Процессы полонизации и русификации поставили в конце концов белорусский язык на грань исчезновения. Последние удары ему наносились уже при советской власти – в частности, в 1933 году была проведена реформа письменности, и сейчас сторонники национального возрождения, включая и В.Мудрова, пользуются дореформенной версией, «с мягкими знаками» (белорусские слова как слышатся, так и пишутся, поэтому после мягких согласных положено ставить мягкий знак, как, например, в слове «песьня»; сталинская реформа помимо прочего запретила подобное употребление мягкого знака).

Мудров совместил два раритетных объекта, столь малозаметных, что едва ли не мнимых, – географический и лингвистический. В мире логики его поступок необъясним: писательская душа – головоломный лабиринт, полный туманов и дымовых завес, искаженных теней и призраков. «Люби все то, что редкостно и мнимо», – завещал Владимир Набоков.

Мудров полузабытым-полузабитым языком рассказал о полузабытой-полузабитой стране. Публикация попала в посольство этой страны в Москве. Сотрудники посольства и журналисты в основном неплохо владеют русским языком. По-белорусски они не сумели прочитать ни строчки. «Что такое «дзеці»? – спрашивали они потом Мудрова. – И что такое «ён»? Собственно, и не всякий человек, для которого русский язык родной, догадается, что «дзеці» это «дети», а «ён» это «он».

Винцеся Мудрова пригласили в Москву и представили послу. Он был поражен знаниями гостя о своей стране. Во время беседы белорусский прозаик схватил лист бумаги и стал увлеченно показывать, по каким горам и долинам проходила давно демонтированная железная дорога. Посол ничего не знал о ней и посмотрел на секретаря по культуре: может, тот, старший по возрасту, подтвердит или опровергнет информацию гостя? Секретарь не на шутку задумался и вдруг воскликнул: «Да-да, я помню, меня мальчиком возили к родственникам именно по этой узкоколейке!»

Когда я предложил Мудрову сделать русский перевод очерков и напечатать их в хорошем российском журнале, он сказал: «Тебе что, делать больше нечего? Ну, кому это нужно!»

Люби все то, что редкостно и мнимо, – напомнил я себе. А затем обзавелся дореформенным и послереформенным словарями, отложил в сторону недописанный роман «В логове Сиона-2» и превратился в переводчика.

Александр Черницкий

* * *

Тихими вечерами, в часы, когда даль еще не затуманена и когда вода за бортом приобретает удивительный лазурно-зеленый оттенок, на палубах круизных теплоходов бывает тесно от пассажиров. Статные дамы в белых шортах, их утомленные круизной любовью седоголовые спутники, шоколадно-загорелые обольстительные девицы, спортивного вида парни в широченных «бермудах» и прочая публика стоят в это время на палубах и, опершись руками о перила, зачарованно глядят вдаль – туда, где бирюзовые волны Адриатики шумно встречаются с берегом, где склоны гор опалены розовым светом гаснущего солнца, расчерчены острыми тенями кипарисов и усыпаны светлыми точками каких-то странных, похожих на белых черепах, сооружений. «Черепахи» эти извилистой цепью лежат вдоль побережья, в полном беспорядке ползут по горам, и пассажиры теплоходов, впечатленные таким явлением, начинают громко обсуждать, что бы это могло быть.

Обсудив, путешественники решают, что это, скорей всего, дачные домики оригинальной конструкции, но немногочисленные пассажиры, у которых в руках бинокли, не соглашаются с этим: для жилья «черепахи» слишком малы. Статные дамы начинают беспокоиться, вертеть головами, их седые спутники с погасшими сигаретами в губах выхватывают друг у друга бинокли, и это продолжается до тех пор, пока на палубе не появится какой-нибудь старый морской волк. Приостановившись на миг, он приложит к кустистым бровям ладонь, после чего сипло выдохнет:

– Идем возле Албании. Это там у них доты понатыканы…

На мгновение воцарится тишина, и круизники вспомнят, что есть такая страна – Албания, про которую никто ничего не знает и в которую никогда не заходят крупные круизные теплоходы.

БЕТОННЫЙ БУНКЕР КАК ФАКТОР ИСТОРИИ

1968 год отмечен на скрижалях Клио студенческим бунтом в парижском Латинском квартале, спасением тов. Брежневым социалистических завоеваний в Чехословакии и пуском в эксплуатацию цементного завода в албанском городе Фуше-Круя. Кто-то, видимо, улыбнется, прочитав эти строки, а потому, используя творческую манеру Альбера Камю (Камю, как известно, любил побеседовать на страницах своих произведений с воображаемым оппонентом), повторимся: «Да, уважаемые, – цементного завода в Фуше-Круя». А в ответ на обвинения в несоответствии последнего звена предложенной цепочки событий первым двум предложим оппонентам закрыть глаза и представить себе пространство площадью в двадцать восемь тысяч квадратных километров, а на этом пространстве – семьсот тысяч бетонных дотов. Одинаковых, трех-четырех метров в диаметре огневых точек, с полукруглым верхом и узкими щелями амбразур.

…Доты в Албании – на страх врагам и на удивление потомкам – стоят повсюду: на берегу моря и на перекрестках дорог, в городских парках и на сельских улицах, у подножия высоких гор и на самых высоких вершинах, где они скрыты от человеческих глаз белыми шапками облаков. Эти железобетонные фортеции были изготовлены на упомянутом фуше-круйском заводе и по плану диктатора Энвера Ходжа (албанцы называют его просто Энвером) и должны были превратить Албанию в неприступный бастион социализма на Балканах. Согласно этому плану, дотов необходимо было установить около трех миллионов – как раз столько, сколько жителей в стране, чтобы каждый, даже ребенок, мог занять в час суровых испытаний свою огневую точку и дать сокрушительный отпор возможным агрессорам – американо-английским империалистам и советским социал-империалистам.

Полностью реализовать предначертания великого вождя, однако, не удалось. В 1985 году вождь умер, процесс дотизации остановился, и более двух миллионов албанцев так и не познали счастья заиметь индивидуальный железобетонный бункер. Таким образом, «бункерное мышление», которое было свойственно коммунистическим лидерам многих стран, у лидера албанских коммунистов приобрело просто параноидальную форму.

Сегодня албанцы не очень любят вспоминать Энвера, стараясь к тому же как можно быстрее убрать с глаз следы его эпохи. Бетонные бункеры обкладываются дерном, что делает их менее заметными; длиннющие, похожие на громоотводы шесты с острыми пиками на концах, которыми были сплошь уставлены огороды и виноградники (на случай приземления вражеских парашютистов) давно спилены; на горных дорогах установлены, наконец, дорожные указатели (во времена Энвера их не устанавливали по стратегическим соображениям). Албания превращается в открытую демократическую страну, однако призрак великого вождя еще долго будет врываться в людские сны и тревожить память гордых албанцев.

Читая эти строки, кто-то из читателей может увидеть за всеми этими обвинениями неприкрытую советчину. И впрямь – слишком по-советски получилось. Обвинил во всех грехах великого вождя и по старой советской традиции подытожил сказанное проникновенно оптимистической фразой. Это сейчас, с высоты сегодняшнего дня, идея дотизации кажется бессмысленной и абсурдной. Но казалась ли она такой самим албанцам в достопамятном 1968 году? И еще: когда какая-то идея овладевает массами, значит, на то есть свои причины. И вот, чтобы разобраться в этих причинах, нам придется снова взглянуть с высоты сегодняшнего дня, но уже не на события двадцатипятилетней давности, а на то, что скрывается за дымкой столетий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.